

Глава 13: Под коркой запекшейся крови — вскрытие старых ран

— Ради... ради этого... я должен остановить...

Прерывистый, полный ужаса и решимости голос, доносившийся из нефритовой пластины, казалось, до сих пор эхом отдавался в пустом горном гроте. Оборвавшееся на полуслове обвинение пугало сильнее, чем любое прямое разоблачение. Оно стало ржавым ключом, с силой вонзившимся в глубины памяти Гу Вэя — памяти, что годами была запечатана, гнила и источала яд.

Запретные эксперименты... извлечение духовного корня... глава секты...

Каждое слово было подобно раскаленной стальной игле, вонзающейся в самые болезненные уголки его души.

Он считал, что ненавидит лишь ту злобную женщину, жену главы, что захватила чужое место и отравляла ему жизнь. Он думал, что его несчастья — лишь следствие её зависти и травли из-за его статуса незаконнорожденного сына.

Но теперь эта нефритовая пластина, эти кости и недосказанное обвинение в адрес главы, словно молния, разорвавшая ночную мглу, осветили ужасающую вероятность, к которой он никогда не смел прикоснуться и которую даже пытался вычеркнуть из памяти.

Действительно ли его мать, женщина с обычными способностями, но кротким и добрым нравом, скончалась от внезапной болезни?

Сразу после того, как у него обнаружили одиночный духовный корень дерева и он проявил выдающийся талант?

Затворы памяти с грохотом распахнулись, и картины, которые он насильно подавлял две жизни подряд, хлынули неудержимым потоком.

Тот дождливый вечер. Мать крепко прижимала его к себе, её тело дрожало от холода — нет, не от болезни, от страха! Она раз за разом гладила его по голове, и в её глазах застыла невыразимая, нестерпимая печаль и решимость. Вэй-эр, в будущем... в будущем живи достойно, что бы ни случилось, ты должен выжить...

На следующий день она умерла от болезни. Умерла спокойно, но в этой смерти сквозило нечто пугающе странное. Глава секты, его отец лишь по имени, пришел лишь на миг, бросил беглый взгляд, и в его глазах не было скорби — лишь некое... невыразимое сложное чувство. Словно он оценивал результат или... испытывал облегчение?

Затем его забрали на главный пик, сделали достопочтенным сыном главы, но в то же время он

стал бельмом на глазу у жены главы. А потом его духовный корень был уничтожен...

Раньше он винил в смерти матери лишь интриги женской половины дома, а в потере корня — жестокость жены главы.

Но теперь мрачная, удушающая нить связала эти два трагических события с запретными экспериментами и извлечением корня.

Неужели... неужели тот человек заметил его именно из-за выдающегося духовного корня? Неужели мать узнала правду и поэтому её устранили? А его корень был уничтожен не только ради того, чтобы угодить этой женщине, но и потому, что он стал бесполезен для того человека? Или же в процессе извлечения что-то пошло не так, и корень оказался просто разрушен, а не вырван до конца?

— Угх... А-а-а-а!!

Гу Вэй схватился за голову и издал мучительный, подавленный вопль, подобный рыку зверя. Его тело сотрясала крупная дрожь, глаза вмиг налились кровью. В них больше не было холодной мертвенности — лишь безбрежная ненависть, невыразимая скорбь и чувство вины, граничащее с безумием.

Это он! Это из-за него! Из-за его духовного корня погибла мать!

Это осознание было в тысячи раз мучительнее, чем потеря корня или все страдания прошлой жизни, вместе взятые.

— Кха! — от прилива ярости и последствий насильственного использования крови жизни Гу Вэй выплюнул струю крови. Его дыхание мгновенно ослабло, он сжался в комок, словно раздавленный невидимой чудовищной силой.

Линь Сяо был ошеломлен такой резкой реакцией. Он подхватил обмякшее тело Гу Вэя и почувствовал, как тот ледяной на ощупь. Взглянув в глаза друга, полные отчаяния и боли, способной поглотить весь мир, он всё понял.

Секрет, раскрытый нефритовой пластиной, касался не только тьмы внутри секты — это был нож, который вошел прямо в самый глубокий, никогда не заживавший шрам на сердце Гу Вэя, и теперь проворачивался в ране.

— Гу Вэй! — негромко окликнул его Линь Сяо, пытаясь вернуть его в сознание.

Но Гу Вэй словно перестал слышать всё вокруг. Он провалился в ад, сотканный из ненависти, раскаяния и невыносимой скорби, и не мог выбраться. Он мертвой хваткой вцепился в нефритовую пластину, его костяшки побелели — казалось, он хочет раздавить её, или же это

его единственный спасательный круг.

Линь Сяо смотрел на него, нахмутив брови. Он не мог до конца прочувствовать эту пронизывающую до костей ненависть и боль, но понимал, каково это — когда рушатся убеждения и рушится весь мир.

Он не стал произносить слов утешения — сейчас они казались бледными и бессильными. Он просто направил остатки своей ледяной духовной силы, передавая Гу Вэю прохладную, умиротворяющую энергию, чтобы помочь стабилизировать сознание и сбившееся дыхание. В то же время он настороженно следил за обстановкой.

Здесь нельзя оставаться. Каждая лишняя минута увеличивает опасность.

Он должен как можно скорее увести Гу Вэя и замести следы. Эти кости и нефритовая пластина — доказательства, способные потрясти небеса, но в то же время это смертный приговор.

Линь Сяо посмотрел на останки человека по имени Лу Минсюань. Взгляд его был сложным. Этот предшественник ценой жизни оставил предупреждение, но вместе с тем возложил тяжкое бремя тайны на них двоих, ещё таких слабых учеников.

Он посмотрел на Гу Вэя, который впал в беспамятство от потрясения, но продолжал хмуриться, а его тело время от времени содрогалось в конвульсиях. Затем перевел взгляд на нефритовый флакон с Молоком Земного Сердца.

Надежда на восстановление духовного корня была совсем рядом, но опасности на пути уже превзошли все их ожидания.

Смерть матери, заговор главы, запретные эксперименты...

Всё это, словно невидимая паутина, опутывало их, не давая вздохнуть.

Линь Сяо глубоко вздохнул и осторожно спрятал флакон и нефритовую пластину с кровавой правдой. Подняв бесчувственного Гу Вэя, он в последний раз взглянул на кости.

— Покойся с миром, старший. Эту тайну... мы принимаем.

Голос его звучал тихо, но в нём слышалась непоколебимая решимость.

Затем, поддерживая Гу Вэя, он, не оборачиваясь, быстро покинул пещеру, полную отчаяния и коварства.

Снаружи, в горном хребте Черного Ветра, сгустилась ночная тьма, словно разинутая пасть, готовая проглотить всё живое.

<http://bllate.org/book/18949/1857441>